Сочилась; но высоко грудь
И трудно поднималась; взоры
Бродили страшно. Онъ шепталъ:
«Спасите, братцы! тащутъ въ горы...
Постойте! гдѣ-же генералъ?...
Не слышу...» Долго онъ стоналъ,
Но все слабѣй, и понемногу
Затихъ — и душу отдалъ Богу.
На ружья опершись, кругомъ
Стояли усачи сѣдые,
И тихо плакали... Потомъ
Его останки боевые
Накрыли бережно плащемъ
И понесли... Тоской томимый
Имъ вслѣдъ смотрѣлъ я, недвижимый.

Уже затихло все; тѣла
Стащили въ кучу. Кровь текла
Струею дымной по каменьямъ,—
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ-бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ,
А тамъ, вдали, — грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Тянулись горы, — и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ...
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?...
Галубъ прервалъ мое мечтанье,
Ударивъ по плечу, — онъ былъ
Кунакъ мой. Я его спросилъ,